Глава IV

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ АППАРАТЧИКОМ? 1918—1929

Период между 1917 годом, когда Николай II отрекся от престола, и 1929-м, когда Хрущев переехал из Донбасса в Москву, стал для России и ее «преемника» — Советского Союза поистине страшной эпохой. Мировую войну и революцию сменили Гражданская война и голод. В Донбассе, где столкнулись красные, белые, черные (анархисты) и зеленые, развернулась ожесточенная борьба: не меньше двадцати раз власть переходила из рук в руки¹. С 1921 года жизнь начала понемногу налаживаться; однако не успели еще зажить старые раны, как большевики начали жестокую кампанию коллективизации и индустриализации страны. Кроме того, раздавив старых противников — капиталистов, помещиков, церковников — и подвергнув репрессиям украинских националистов, меньшевиков и эсеров, в конце двадцатых большевики перешли к чистке собственных рядов.

По иронии судьбы, именно в эти годы Хрущев уверился в том, что новый порядок несет с собой мир и справедливость. В своих воспоминаниях он постоянно возвращался к «воздуху» этих лет, в которые, по его словам, «всегда мечтал вернуться». На вопрос, как он мог «замахнуться на Сталина» после его смерти, Хрущев ответил: «Потому что я не из тридцатых годов, я из другого поколения». Свое идеологическое становление он относил к первым послереволюционным годам: «...у меня прямо пелена с глаз слетела. Вот с этого времени я считаю себя коммунистом»².

В феврале 1917 года Хрущев был ничего не значащим частным лицом; одиннадцать лет спустя стал высокопоставленным партийным аппаратчиком Советской Украины. Выбор между основной профессией и политикой пришел к нему не сразу и дался не легко. В партию он вступил толь-

ко в конце 1918 года — более чем через год после прихода большевиков к власти. После окончания Гражданской войны Хрущев занял должность заместителя директора шахты. Дважды за эти годы он пытался получить образование, чтобы исполнить свою давнюю мечту о карьере инженера, — но всякий раз «отвлекался» на дела политические.

Итак, Хрущев долго не решался связать свою судьбу с партийным аппаратом — и скорее всего не только потому, что перспективы такой карьеры были для него неясны, но и потому, что реально сознавал свои возможности. Много лет спустя он вспоминал, с какой неуверенностью преодолевал каждую ступень карьерной лестницы. Он сопротивлялся повышению, стремился не расставаться со знакомыми местами, где его окружали старые друзья и коллеги. Конечно, многое в таком поведении следует списать на естественную нервозность новичка. Многое, но не все.

Свои недостатки Хрущев стремился максимально компенсировать неоспоримыми достоинствами: трудолюбием, энергией, прямоотой и открытостью в общении. Однако его возвышение объясняется и еще одним качеством — той неуверенностью в себе, что доставляла ему столько проблем. И в бурные двадцатые, и в кровавые тридцатые партия была полна амбициозных карьеристов, и скромность Хрущева должна была приятно удивлять вышестоящих товарищей. Вопрос лишь в том, насколько эта скромность была искренней, а насколько — показной. Наш ответ будет таким: скромность и неуверенность в себе были, безусловно, искренними, однако Хрущев быстро научился использовать эти качества себе на пользу. Необходимость интриговать его не смущала. Об этой, «темной» стороне его карьеры ни словом не упоминается в его воспоминаниях, да и сохранившиеся документы той эпохи по большей части о ней умалчивают.

Падение династии Романовых круто изменило жизнь Хрущева³. Временное правительство царствовало, но не правило, особенно в южных губерниях империи. Консервативные и либеральные партии в глазах простых людей были одинаково дискредитированы, и минимальный порядок в Донбассе поддерживали выборные Советы рабочих депутатов. Однако и они не всегда могли совладать с анархией. В Юзовке началось то, что хозяева шахт называли «беспорядками»: под этот широкий термин подпадало, например, введение *de facto* восьмичасового рабочего дня. Однако были и

настоящие беспорядки — погромы и разграбления квартир владельцев и директоров шахт, избиения, аресты, самосуды.

Большевики в то время пользовались не большей популярностью, чем ненавистные «буржуи». В Юзовке шахтеры расправились без суда с несколькими большевиками, выступавшими против войны. После июльского восстания (приведшего к переходу Ленина на нелегальное положение и аресту Троцкого) положение большевиков в Донбассе стало еще более уязвимым. Когда большевики захватили власть, Юзовский совет, большинство в котором составляли меньшевики, принял резолюцию, осуждающую Ленина и его присных. Только изгнав своих соперников силой, большевики смогли получить в совете неустойчивое большинство. «Для спасения большевиков, — замечает современный историк, — потребовалась Гражданская война»⁴.

В неразберихе 1917 года Хрущев быстро нашел свое место — но не на стороне большевиков. Он вошел в состав Рутченковского совета и 29 мая 1917 года был «единогласно» выбран его председателем. В августе он присоединяется к Рутченковской военно-политической организации «защитников революции»; в декабре — уже председательствует в Совете профсоюзов шахтеров и металлургов, объединявшем рабочих восьми заводов и шахт Юзовки и окрестностей. Руководителем Юзовского отделения партии большевиков в это время был будущий соратник Сталина Лазарь Каганович. Официозная биография утверждает, что и Хрущев в это время уже был большевиком — в душе. Так или иначе, в партию он пока не вступал⁵.

«Он не революционер, — говорил почти семь десятилетий спустя Вячеслав Молотов. — В 1918 году только в партию вступил — такой активный! Простые рабочие были в партии. Какой же это у нас лидер партии оказался! Это абсурд. Абсурд»⁶.

Презрительный отзыв Молотова можно объяснить личной неприязнью; однако характерно, что и сам Хрущев считал нужным оправдываться по этому поводу. «Я был известен как человек активный, однако в партию не вступал до 1918 года, — рассказывает он в своих воспоминаниях. — Когда меня спрашивают, почему я так долго тянул, я всегда отвечаю: в то время в партию вступали не так, как сейчас. Никто за тобой не бегал и не уговаривал. Было множество разных движений и группировок, и разобраться в них было не так-то легко. Но, когда случилась революция, я сразу понял, где мое место»⁷.

Как это часто бывает, звучит такое самооправдание довольно жалко. Сознательного революционера нет нужды

«уговаривать» вступить в партию, а замечание Хрущева о множестве движений, в которых он не мог разобраться, противоречит тут же сказанным словам: «Интуитивно я был на стороне большевиков»⁸. То, что он будто бы определил свою позицию немедленно после Октября — прямая ложь. В действительности Хрущев стоял ближе к меньшевикам, упиравшим на экономическое развитие, чем к большевикам, стремившимся к власти любой ценой. Основной опорой меньшевиков были квалифицированные рабочие, люди, которым было что терять — именно такие, как Хрущев. Пока у власти в области находились умеренные, Хрущев поддерживал их и лишь позднее, когда власть перешла в руки большевиков, перешел на их сторону.

Революция повлекла за собой беспорядки, однако намного более страшным бедствием для России обернулась Гражданская война — в том числе и в Донбассе, где погибла треть шахтеров. Юг Донбасса заняла Белая армия. В декабре 1917 года казачьи части Донского войска под командованием атамана Каледина казнили в Ясиновке двадцать рабочих и сбросили их тела в угольные шахты. В соседней Макеевке казаки выкалывали людям глаза, перерезали горло, сбрасывали шахтеров в шахты живьем. В ответ рабочие отряды, так называемые красногвардейцы, арестовывали белых офицеров, владельцев шахт и казаков, расстреливали их на месте и бросали тела на улицах⁹.

Продвигаясь к Юзовке и гоня перед собой поток беженцев, части генерала Каледина столкнулись с отрядами Красной Армии, присланными из Петрограда. Пришлось им сражаться и с рутченковским красногвардейским батальоном, в котором, по некоторым сведениям, предводительствовали Иван Данилов и Никита Хрущев¹⁰.

В феврале 1918 года Каледин был разбит¹¹. В апреле потерпела поражение другая антибольшевистская группировка — Центральная Рада в Киеве, объявившая себя правительством независимой Украины. Но теперь большевики столкнулись с более опасным противником — мощной германской армией, по-прежнему находившейся в состоянии войны с Россией и странами Антанты¹². Когда немецкие и австрийские войска подошли к Юзовке, большевики бежали, на несколько дней оставив город в руках анархистов. Немцы и их союзник, гетман Павло Скоропадский, вернули шахты прежним хозяевам, которые начали жестокую расправу над политически неблагонадежными рабочими. В од-

ном городе немцы в первый же день по прибытии расстреляли сорок пять шахтеров. Не прошло и нескольких недель, как большая часть шахтеров, не ушедших вместе с большевиками, либо присоединились к Красной Армии, либо вернулась к себе в деревни, спасаясь от голода¹³.

Среди последних был и Хрущев¹⁴. Следующее сообщение о нем застаёт его в деревне, где в 1918 году происходит новый взрыв насилия¹⁵. Несмотря на изначальное недоверие к крестьянству, большевики, желая заручиться его поддержкой, пообещали ему землю (наряду с миром и хлебом). Однако при переделе земли в пользу бедноты отбирались не только земли помещиков и священников, но и надёлы зажиточных крестьян; а весной 1918 года, чтобы прокормить городских жителей и бойцов Красной Армии, большевики начали конфискацию зерна. Крестьяне сопротивлялись, и красноармейцы отбирали зерно силой, добавляя к бедствиям Гражданской войны еще и голод.

Хрущев присоединился к калиновскому Комитету бедноты. Теоретически сельские жители делились на богатых (кулаков), середняков и бедноту. В действительности, однако, разделение было не столь четким. Однако большевики стремились использовать эту «классовую рознь», натравливая соседа на соседа¹⁶. Мы не знаем, к чему привела и чем завершилась «классовая борьба» в Калиновке, однако логично предположить, что какую-то роль в ней сыграл и Хрущев.

В конце 1918-го или начале 1919 года Хрущев был мобилизован в Красную Армию. К этому времени немцы (перемирие с которыми было подписано в ноябре 1918 года) уже покинули Украину, однако в Юзовке свирепствовали белые. Командующий Донской армией генерал С. В. Денисов приказал схватить и повесить каждого десятого рабочего; на улицах гнили сотни трупов. Красные в ответ расстреливали инженеров и техников, подозреваемых в сотрудничестве с белыми. Полиция Скоропадского и анархисты — последователи Нестора Махно — так же расправлялись со своими противниками, не стесняясь в средствах; и все беспорядки сопровождались еврейскими погромами¹⁷.

Южнее Юзовки, где находился теперь с Девятой армией Хрущев, борьба велась еще более варварскими методами. Хотя военком Троцкий и издал приказ, запрещающий казнить пленников, «раненых и пленных [белых] офицеров не только приканчивали пулями или штыками, но и подвергали страшным пыткам. Офицерам вбивали в плечи гвозди по

числу звезд на погонах, вырезали на груди медали, резали ремни из кожи, отрезали гениталии и засовывали в рот»¹⁸.

Силам белого генерала Антона Деникина удалось отвоевать всю Кубань и Северный Кавказ. В середине лета 1919 года Красная Армия на юге России была на грани поражения. Белые захватили Харьков, Екатеринослав (позднее переименованный в Днепропетровск) и Царицын (позднее Сталинград, затем Волгоград). 20 сентября после атаки белого бронепоезда пал Курск. Однако затем положение переменялось. Те же проблемы, что удержали Деникина от похода на Москву — нехватка людей, плохая организация и недостаток народной поддержки, — стали причиной его поражения. Май 1920 года стал концом Добровольческой армии. А ноябрь того же года, когда армия Врангеля эвакуировалась из Крыма, принято считать рубежом Гражданской войны.

О действиях Девятой армии, в которой служил Хрущев, имеются противоречивые сведения. Согласно одному из источников, она «только и делала, что бегала» от врагов¹⁹. Однако эта армия прошла 620 миль от верховьев Дона до Черного моря — а Хрущев за это время проделал путь от рядового члена партии до политкомиссара батальона, а затем и инструктора политотдела Девятой армии.

Институт политкомиссаров был введен в апреле 1918 года, когда большевики начали массовую мобилизацию крестьян. В обязанности комиссаров входило следить за боеготовностью и настроением армии и налаживать отношения с местным населением, в том числе и повышая культурный уровень солдат. К этой задаче большевики подходили серьезно. Задача «агитации, пропаганды и просвещения» включала в себя обучение солдат грамоте, публикацию газет и брошюр, постановку агитспектаклей, организацию библиотек и красноармейских клубов²⁰.

Однако сами комиссары, просвещавшие своих товарищей, по уровню образования немногим отличались от простых солдат. В январе 1919 года Сталин и Дзержинский потребовали чистки среди комиссаров, мотивируя такое решение тем, что «само это название сделалось предметом насмешек». Один из бригадных командиров Красной Армии, смещенный в 1919 году, писал, что среди комиссаров не больше 5 % «бескорыстных коммунистов», а прочие — рабочие-карьеристы, отсталые крестьяне и «подонки всех классов, в большинстве своем — зеленые юнцы или неудачники, и, конечно, почти все — евреи». Однако тот же автор вынужден был признать, что комиссары «проводят удивительно большую работу, надзирая за командирами и агитируя

солдат», и что их роль в формировании «классовой ненависти в солдатских массах» «огромна»²¹.

Столь же противоречив и рассказ самого Хрущева о своей комиссарской работе. Он приписывает себе подвиги на передовой: «Мы перешли в наступление. Шли под вражеским огнем... Загнали белогвардейских бандитов в море»²². Однако сам Хрущев работал не столько в кавалерийских частях, сколько в стройбате; не меньше двух месяцев он провел на курсах подготовки политинструкторов, а большинство его «рассказов о войне» повествует не столько о военных действиях, сколько о битвах с темнотой и бескультурьем.

«Мы не были “благородными людьми” в старом смысле слова», — вспоминал Хрущев. Когда он и его люди попали на два дня в особняк, раньше принадлежавший помещику, «в туалет войти было невозможно, потому что люди не умели им пользоваться. Сначала его загадили, а потом принялись за парк. Через месяц и по парку ходить стало небезопасно»²³.

В другой раз Хрущев остановился на постой в интеллигентном доме. Хозяйка дома окончила Смольный институт; среди членов семьи были юрист, инженер, учитель и музыкант. Хрущев вспоминал, что хозяйка дома говорила с ним «очень смело. Она говорила: “Теперь, когда вы, коммунисты, пришли к власти, вы втопчете культуру в грязь. Разве можете вы оценить тонкое искусство, например, балет?” И она была права. О балете мы ничего и не слыхивали. Когда в первый раз увидели фотографии балерин, решили, что это женщины сняты в неприличном виде»²⁴. Однако, хотя Хрущев и признавал себя самого и своих товарищей «темными неучами», он утверждал, что они «хотели получить образование, хотели научиться управлять государством, хотели построить новое общество и отдавали все силы, чтобы добиться того». И хозяйке дома он ответил: «Обождите, все у нас будет, в том числе и балет»²⁵.

Этот рассказ о многом говорит. Очевидно, пропасть, отделяющая его от старорежимной интеллигенции, не давала Хрущеву покоя не только во время Гражданской войны, но и много позже, когда он диктовал свои мемуары. Описывая темноту и дикость своих товарищей, он стремился показать, насколько все они изменились со временем. Но стоило ли вообще уделять внимание столь неприглядным подробностям? Хрущев предвидел этот вопрос. «На это я скажу, — говорит он, — что нам не сразу удалось от всего этого избавиться. Десятки лет прошли, прежде чем люди отучились от примитивных привычек»²⁶.

В 1921 году, по окончании Гражданской войны, Донбасс лежал в руинах. Стройбаты были переименованы в трудовые бригады. «Так ты шахтер? — спросил Хрущева дивизионный писарь. — Отлично. Как раз то, что нам сейчас нужно — комиссар [для трудбригады]!»

Хрущев не сразу согласился на это назначение. «Мы принялись ругаться. Я кричал: “Ты кем себя воображаешь?” — а он отвечал: “А ты?”»²⁷ Должно быть, обменивались они и более резкими словами; но в то время Хрущев занимал еще не столь высокое положение, чтобы спорить с решением начальства. «В конце концов я согласился».

Война окончилась, и Красная Армия утратила свое привилегированное положение. Солдат, ослабленных недоеданием, косили эпидемии тифа и цинги²⁸. «Условия жизни и работы были просто жуткие, — рассказывал позднее Хрущев. — Формы у нас не было, смены одежды тоже. Ходили невымытыми, небритыми, работали от зари до зари. Постоянно не хватало еды»²⁹. Самому Хрущеву пришлось вновь поселиться в крестьянской лачуге и жить за счет приютившей его крестьянской семьи. Питался он остатками семейной трапезы. Только в 1922 году старый друг, ставший директором одной из рутченковских шахт, пришел на выручку и сделал Хрущева своим заместителем по политическим вопросам. А тем временем в семью Хрущева пришла беда.

В 1918 году, бежав из Юзовки в Калиновку, Хрущев взял с собой жену и двоих детей, а позднее, вступив в Красную Армию, оставил их на попечении своих родителей. Впервые разлучившись с отцом, матерью и сестрами, Ефросинья оказалась под началом суровой свекрови. Ужасы войны ее миновали, однако, несомненно, ее снедала тревога за мужа. По иронии судьбы, жертвой разрухи стала она сама: Ефросинья умерла от тифа³⁰.

«Ее смерть стала для меня большим горем», — лаконично, но значительно говорит в своих мемуарах Хрущев. Старожилы Калиновки рассказывают, что он приехал в деревню на другой день после ее кончины. Его родители хотели отпеть Ефросинью в деревенской церкви, а затем похоронить на местном кладбище. Но Хрущев распорядился не вносить гроб в церковь, боковая дверь которой выходила на кладбище, а перенести на руках через кладбищенскую ограду. Уже после его смерти Нина Петровна Хрущева объяснила детям, что таким образом он хотел соблюсти свои атеистические принципы. «Вот так же он действовал всю жизнь, — заметила Нина Петровна, — необычно, неожиданно, не так,

как все. В то время все односельчане его проклинали. Да и теперь еще качают головами, когда вспоминают об этом»³¹. О том, как отреагировали на эту выходку родители Хрущева, мы не знаем; но, должно быть, их реакция была не менее сильной.

Юзовка, куда вернулся Хрущев в 1922 году, лежала в руинах. Добыча угля прекратилась. Все, необходимое для работы — от жилья и питания для шахтеров до поставок топлива и динамита, — нужно было организовывать заново. Владельцы шахт, инженеры и технический персонал бежали; резко сократилась и численность шахтеров. К прочим несчастьям добавилась гиперинфляция: в феврале 1922 года мешок муки стоил четыре миллиона рублей, а фунт мяса сомнительного происхождения — тридцать семь тысяч³².

Конец Гражданской войны ознаменовался эпидемиями. Тиф и холера косили людей. Неурожай привел к нехватке хлеба, и общее число жертв голода по стране в 1921—1922 годах превысило число жертв Первой мировой и Гражданской войн³³. Весной 1922 года в Юзовке голодали приблизительно 38 % населения. По всему Донбассу страдали от голода не менее четырехсот тысяч детей³⁴. Отец Невё, католический священник, живший в это время в Макеевке, видел сцены, «напоминавшие об осаде Иерусалима, описанной у Иосифа Флавия. Матери убивали своих детей, а затем кончали с собой, чтобы положить конец страданиям. Повсюду мы видели бледных, изможденных людей с раздутыми от голода животами; еле передвигаясь, они вынуждены были убивать и поедать собак, кошек и лошадей»³⁵.

Одна старуха в Шахтах торговала солониной. Когда ее дом обыскали, то нашли «две бочки с детьми, разделанными и засоленными, и скальпированные детские головы». Разъяренная толпа растерзала старуху и ее мужа³⁶.

В 1921 году, по настоянию Ленина, большевики ввели нэп — новую экономическую политику, которая заменила насильственное изъятие зерна продналогом и позволила крестьянам открыто продавать излишки на рынках. Нэп облегчил жизнь в стране в целом, однако его действие далеко не сразу ощутилось в Донбассе; шахты его опустели, поскольку тысячи людей, спасаясь от голода, разбрелись кто куда, и потому продовольствие поступало сюда далеко не в первую очередь. Москва отправила в Донбасс 150 руководителей, мобилизовала на работу в шахтах всех местных муж-

чин в возрасте от 18 до 46 лет (для шахтеров верхняя планка поднималась до 50), а также призвала на помощь донецким шахтерам добровольцев со всех концов страны³⁷. Однако в самой Юзовке большевики были по-прежнему немногочисленны и крайне непопулярны³⁸.

Несмотря на свою слабость — а может быть, именно вследствие ее, — донецкие большевики не знали жалости к «классовым врагам». Так называемые «революционные трибуналы» направо и налево выносили безжалостные приговоры «контрреволюционерам». Донбасских шахтеров, в которых большевики видели людей «психологически запутавшихся», «с изначально невысоким, а теперь совершенно подавленным пролетарским сознанием», партия принуждала к работе самыми суровыми методами³⁹. Результатом стали волнения и забастовки, продолжавшиеся на протяжении двадцатых годов⁴⁰.

Вполне естественно, что при таких условиях в рядах большевиков появились разногласия. В мае 1922 года Ленин перенес первый инсульт; после этого, если не считать нескольких месяцев, до самой своей смерти 21 января 1924 года он был полным инвалидом. В партии начался раскол между Сталиным, Зиновьевым и Каменевым, с одной стороны, и Троцким — с другой. Сталин и его союзники настаивали на продолжении нэпа, Троцкий же указывал на то, что эта политика противоречит идеям социализма — индустриализации и приоритету пролетариата над крестьянством. Кроме того, Троцкий поднял вопрос «внутрипартийной демократии», указывая, что сталинская фракция навязывает партии свою волю. В октябре 1923 года Политбюро приняло резолюцию, подписанную сорока шестью высокопоставленными большевиками, в которой критиковались «неадекватность партийного лидерства» и «совершенно нетерпимый» режим, установившийся в партии⁴¹.

Два года спустя Сталин одержал над Троцким политическую победу, а еще через два года, в 1927 году, отправил его в изгнание. Однако в начале двадцатых Троцкий и другие «инакомыслящие» пользовались в Донбассе необычайной популярностью. Хотя ЦК осудил «Декларацию сорока шести» и Юзовский горком одобрил решение Кремля, двенадцать (из семидесяти девяти) членов Юзовского горкома — больше, чем где-либо еще в Донбассе — выступили в поддержку резолюции⁴².

Такова была ситуация в городе в 1922 году, когда сюда вернулся Хрущев. Работа на Рутченковской шахте продолжалась лишь несколько месяцев; однако именно здесь он

усвоил тот открытый и энергичный стиль руководства, который позже стал его «визитной карточкой». Работая без чертежей (они исчезли вместе с владельцами шахт), он со своими помощниками «разобрал доменные печи на части, чтобы понять, что требуется для производства угля и как сделать, чтобы эти машины снова заработали. Инженеров, чтобы обслуживать машины, у нас не было. Из тех, что остались в Донбассе, многие были против нас»⁴³. Хрущев сам надевал шахтерскую одежду и спускался под землю, чтобы проверить состояние машин. Не зная отдыха, встречался он с другими руководителями, партийными и профсоюзными лидерами, инспектировал шахтерские бараки, реквизировал жизненно необходимое продовольствие⁴⁴.

В отличие от других большевиков, презиравших шахтеров как людей с «низким классовым самосознанием», Хрущев испытывал к своим бывшим товарищам по работе искреннюю симпатию. «Ну вот, мы свергли монархию, прогнали буржуазию, завоевали себе свободу — но люди живут хуже, чем прежде. И, конечно, многие спрашивали: “Что же это за свобода такая? Вы обещали рай, но, похоже, раньше смерти рая нам не видать. А хотелось хоть ощутить его при жизни. Мы ведь ничего особенного не требуем — просто дайте нам угол, где жить”»⁴⁵.

Шахтеры «со мной разговаривали смело, — вспоминал Хрущев, — потому что знали меня как облупленного: до революции я работал с ними бок о бок». Однако и Хрущев с ними не церемонился. «Ну-ка покажи руки! — кричал он на тех, в ком заподозрил “враждебных элементов”. — У тебя не шахтерские руки! У тебя руки лавочника!»⁴⁶

Работа Хрущева на Рутченковской шахте была так успешна, что скоро ему предложили возглавить руководство соседней Пастуховской шахтой. Однако вместо этого он подал заявление на рабфак в новом учебном заведении, впоследствии Донецком шахтерском техникуме. Когда партийное начальство в Юзовке этому воспротивилось, Хрущев обратился к руководителю донбасской угледобывающей промышленности, учившемуся там же: «Вы — человек ученый, с высшим образованием, однако подали заявление в шахтерский институт. А меня туда не пускаете. По-моему, неправильно это. Почему вы меня не отпускаете? У меня за плечами всего-то четыре года в школе... а вы не хотите, чтобы я учился дальше»⁴⁷.

Такая тяга к образованию не была чем-то уникальным. Большевики рассматривали себя как авангард не только в политике, но и в культуре, и от членов партии требовалось

не только «продуктивно работать», но и «культурно отдыхать», то есть как минимум — опрятно одеваться и уметь вести себя за столом, как максимум — читать русскую классику и ходить на балет⁴⁸. Почему же начальство Хрущева не позволяло ему учиться? Неужели он был таким хорошим администратором, что его не хотели отпускать? Или партийные боссы понимали, что год или два на рабфаке не добавят ему ни образования, ни культуры? Так или иначе, в конце концов они сдались и Хрущев поступил на рабфак.

Обучение в техникуме должно было сделать инженерами 208 студентов, у большинства из которых за плечами были лишь скудное начальное образование, тяжелая работа на шахте и членство в комсомоле. У рабфака, куда поступил Хрущев, программа была более скромная. После двух-трех лет обучения, заменявших старшие классы школы, выпускник рабфака мог поступить на первый курс техникума. В заявлении, заполненном 24 апреля 1922 года, Хрущев указал цель поступления: «Получить технические знания, необходимые для более продуктивной работы на производстве»⁴⁹.

Юзовский рабфак был элементом глобальной программы, направленной на приобщение к образованию представителей низших классов. По словам западного историка, эта программа «привела к снижению академических стандартов и вызвала как сопротивление работников образования, так и недовольство родителей студентов, принадлежащих к среднему классу»⁵⁰.

Требования к поступающим на рабфак были занижены, как только возможно. От абитуриентов 1924 года требовались «твердое знание четырех арифметических действий с целыми числами, способность четко выражать свои мысли в устной и письменной форме и элементарная политическая грамотность»⁵¹. По политической грамотности Хрущев, скорее всего, был первым в группе. Однако, хотя официозная биография и заверяет читателей в его успехах⁵², одна из преподавательниц Хрущева вспоминала об этом иначе. По ее словам, будущий глава СССР и лидер коммунистической партии «с трудом держал в мозолистых руках карандаш». Хрущев очень старался: она вспоминает, как он долго бился над сложным грамматическим правилом и, наконец усвоив его, от радости заулыбался во весь рот и закричал: «Получилось!» Однако, несмотря на все старания, учеником он был «отстающим»⁵³.

Возможно, отставание в учебе было связано и с политическими обязанностями. Довольно скоро Хрущев сделался партсекретарем не только рабфака, но и всего техникума.

Это означало, что он отвечает и за политическую сознательность студентов, и (наряду с директором) за условия учебы. Здание техникума, в котором до революции размещалось коммерческое училище, на дореволюционных фотографиях выглядит так же презентабельно, как и в 1991 году. Однако когда техникум впервые открыл двери для студентов, можно было лишь радоваться, что хотя бы двери в здании имеются. Большинство студентов проживали в разрушенных бараках, где когда-то останавливались на постой казаки, по сорок — пятьдесят человек в комнате⁵⁴. Как партийный лидер, Хрущев находился в «привилегированном» положении — он делил маленькую угловую комнатку всего лишь с тремя студентами.

Перед началом занятий первым студентам пришлось своими руками ремонтировать здание техникума. По настоянию Хрущева они несколько недель ремонтировали и заменяли проржавевшие механизмы, пока наконец не смогли восстановить мастерские, лаборатории и электрогенератор⁵⁵. Учебников не хватало, и Хрущев предложил самим печатать их в близлежащей типографии. «Никита Сергеевич часто забегал в типографию, — вспоминает один из типографских рабочих, — интересовался нашими делами, давал указания»⁵⁶. Когда партийная ячейка выпускала газету, Хрущев надзирал за ее выпуском. Как партийный руководитель, он нес ответственность за идеологическое содержание газеты; однако, по-видимому, интересовал его и сам процесс. Многочисленные обязанности подразумевали постоянную деятельность, но, в сущности, эта деятельность не отличалась от того, чем он занимался на шахте — беготня, встречи с людьми, необходимость справляться с постоянно возникающими проблемами. На образование, к которому он так стремился, времени не оставалось.

В сентябре 1924 года Хрущев был членом комиссии, выдававшей дипломы первым пятнадцати выпускникам техникума. Сам он диплома так и не получил. Позже он заявлял, что окончил рабфак, но документально это не подтверждено⁵⁷. Даже если это и так, элементарность знаний, получаемых на рабфаке, и недостаток времени, которое Хрущев мог уделить учебе, заставляют предположить, что его образовательный уровень не слишком повысился.

Партийное положение Хрущева придавало ему авторитет, немислимый для простого рабфаковца. В декабре 1923 года он представлял свою партиячку на конференции Юзовского губкома и в том же месяце вошел в губком, став одним из сорока представителей местной большевистской элиты. В

этом качестве Хрущев сделался хорошо известен на шахтах, заводах и в образовательных учреждениях Юзовки. После того как он практически в одиночку прекратил забастовку на одной из шахт, его ввели во внутренний партийный круг — бюро Юзовского губкома.

Такие ответственные позиции могли занимать лишь проверенные люди. Нетрудно представить, что в эти годы Хрущев искренне разделял упрощенную, примитивизированную сталинскую версию марксизма⁵⁸. Однако на некоторое время он присоединился к оппозиционерам-троцкистам — тяжелая политическая ошибка, впоследствии поставившая под угрозу не только его карьеру, но и жизнь.

«В 1923 году, — рассказывает в своих мемуарах Хрущев, — когда я учился на рабочем факультете, то допускал колебания троцкистского характера... Меня увлек тогда Харечко, довольно известный троцкист... В течениях социал-демократической партии я тогда совершенно не разбирался, хотя знал, что это был человек, который до революции боролся за народ, боролся за рабочих и за крестьян»⁵⁹.

Трофим Харечко был видным большевиком, подписавшим Декларацию сорока шести⁶⁰. Вопросы внутрипартийной демократии (вернее, ее отсутствия) в то время обсуждались широко и горячо, и Хрущев не мог не понимать, на чью сторону становится. Разумеется, он не мог признаваться в этом при жизни Сталина — но не признался и позже.

Вернувшись в Юзовку в 1922 году, Хрущев часто проводил время в обществе молодых женщин — что едва ли удивительно для молодого, полного сил человека, четыре года прошедшего на войне. Лишь недавно стало известно, что в этот период он женился на семнадцатилетней девушке, едва окончившей гимназию. Маруся (ее фамилия неизвестна) встречалась с молодым человеком, романа с которым не одобрял ее отец, и родила от него дочь. Отец Маруси знал Хрущева со времен работы на шахте, считал его хорошим человеком и убедил дочь выйти за него замуж.

Занятая собственным ребенком, Маруся, по всей видимости, не хотела или не могла заботиться о детях Хрущева, которых он к тому времени привез из Калиновки. Юлии было семь лет, Лене пять; оба они росли на попечении бабушки и бабушки. Мать Хрущева критиковала Марусю за недостаток заботы о пасынке и падчерице; по-видимому, именно она убедила Хрущева бросить новую жену. Говорят, что Маруся до конца дней сожалела о разрыве с Хрущевым. Он же

продолжал помогать ей, особенно когда ее дочь заболела и умерла, не достигнув двадцати лет⁶¹.

Этот короткий брак не только заполняет пробел в биографии Хрущева. Нам открывается второй «скелет в шкафу» (первый — «троцкистские колебания»), тайно мучивший Хрущева многие годы. Возможно, именно Маруся была причиной жарких споров между Хрущевым и его третьей женой Ниной Петровной — споров, которые, по словам Сергея Хрущева, они старались скрывать от детей. Возможно, в этом же кроется причина того, что Хрущев и Нина Петровна официально зарегистрировали свой брак лишь в конце 1960-х годов⁶².

Разрыв с Марусей — яркий пример характерного для Хрущева поведения: ради достижения личных целей он неоднократно нарушал собственные моральные нормы, расплачиваясь за это непреходящим чувством вины.

По рассказам его детей, семья Хрущева жила по строгим правилам. В тех относительно редких случаях, когда эти правила нарушались, он приходил в ярость. Одним из правил было следующее: дети должны жить продуктивной, творческой жизнью. Хрущев сердился, если видел, что они бездельничают, расстраивался, если их школьные успехи были не блестящими или если учителя жаловались на их поведение. Сам он гордился своей собранностью и организованностью (хотя в его политике эти качества проявлялись не слишком отчетливо) и хотел, чтобы дети росли такими же.

Еще одним законом в семье Хрущева была трезвость. Бокал-другой вина позволялся (но ни в коем случае не перед тем, как садиться за руль); по воспоминаниям приемной дочери Хрущева Юлии, отец «не выносил пьяниц; он их просто ненавидел. Снова и снова повторял, что человек должен знать меру, и презирал тех, кто меры не знает»⁶³.

Третье правило касалось аморальности и развода. Хрущев был в ярости, когда его сын Леонид сделался бабником и когда внебрачный сын Леонида Юрий, казалось, пошел по стопам отца. Он приходил в ужас, когда другие дети подумывали о разводе или, того хуже, решались на развод. По словам Юлии, первым принципом Хрущева было: «Когда ты вступаешь в брак, это на всю жизнь. Для него не было большей трагедии, чем развод или расставание супругов». Сама Юлия выходила замуж несколько раз, да и Сергей Хрущев дважды разводился, так что у отца было немало поводов для огорчения. Один из его детей два десятилетия жил в несчастливом браке, не желая его разочаровывать.

Вскоре после разрыва с Марусей Хрущев познакомился с Ниной Петровной Кухарчук. На шесть лет моложе его, она была, однако, более образованной и еще более убежденной коммунисткой, чем он сам, так что прекрасно подходила на роль его наставницы и «партийной совести».

Родители Нины Петровны, как рассказывала впоследствии она сама, тоже были крестьянами, однако мать ее получила в приданое «один морг (0, 25 га) земли, несколько дубов в лесу и сундук (скрыню) с одеждой и постелью». Семья ее отца владела «2,5 моргами (3/4 га) земли, старой хатой, маленьким садом со сливовыми деревьями и одной черешней на огороде»⁶⁴. Нина Петровна родилась 14 апреля 1900 года в деревне Васильево Холмской губернии, в украинской части царства Польского, входившего до революции в состав Российской империи. Родным языком Нины Петровны, как и большинства детей в деревне, был украинский, однако в школе ее заставляли говорить по-русски и за ошибки били линейкой по рукам. Этническая украинка, она говорила по-украински намного лучше своего мужа, ставшего впоследствии лидером компартии Украины.

Как и Хрущев, его будущая жена обратила на себя внимание учителя начальной школы, который сказал ее отцу, что ей следовало бы продолжить обучение в городе. В 1912 году отец «положил на подводу мешок картошки, кусок кабана, посадил меня и отвез в Люблин, где его брат, Кондратий Васильевич, работал кондуктором на товарных поездах». Отучившись год в Люблинской школе и еще год в Холмской (дядя переехал в Холм), Нина Петровна вернулась на каникулы домой в Васильево. В это время разразилась Гражданская война. Австрийцы грабили деревню, уводили женщин и девушек; Нину спасла мать, сказав, что она больна тифом. Когда русская армия освободила деревню и организовала эвакуацию, мать Нины вместе с двумя детьми стала беженкой. Во время бегства они встретили главу семьи и некоторое время находились при отряде, в котором служил Петр Кухарчук. Командир отряда дал Кухарчукам письмо к епископу Холмскому, который устроил Нину в школу для девочек, эвакуированную из Холма в Одессу. «Туда не принимали детей крестьян, — вспоминала позднее Нина Петровна. — Учились там дочери попов и чиновников по особому подбору. Я попала туда в силу особых обстоятельств военного времени, описанных выше».

Закончив школу в 1919 году, Нина Петровна некоторое время работала в школе — выписывала дипломы и переписывала документы. В 1920 году она вступила в партию, и в

то же лето, когда Красная Армия двинулась на Варшаву, начала работать пропагандисткой в прифронтовых деревнях. Когда сформировалась компартия Украины, Нина Петровна возглавила ее женскую секцию. После того как Красная Армия принуждена была покинуть Польшу, Нину Петровну послали в Москву для шестимесячного обучения в недавно сформированном Коммунистическом университете имени Свердлова. Следующее свое назначение она получила в Донбасс, где помогала проводить чистки (в то время — еще ненасильственные) партии от карьеристов и жуликов, пролезших в нее во время Гражданской войны. Затем ее «бросили» на преподавание «истории революционного движения и политэкономии» в губернской партшколе, однако, не успев приступить к новым обязанностям, она заболела тифом и едва не умерла. После выздоровления она некоторое время работала на курсах подготовки учителей в Таганроге, а затем, осенью 1922 года, вернулась в Юзовку для преподавания в местной партшколе политэкономии.

Кроме этого, будущая супруга Хрущева работала партийной пропагандисткой на Рутченковской шахте, где преподавала шахтерам азы политической грамотности и читала лекции о политике в шахтерском клубе. Хрущев посещал ее лекции и на шахте, и в техникуме. Она стала его наставницей — и в узком, и в более широком смысле слова. В соответствии с традиционными патриархальными представлениями в своей семье он стремился выглядеть главным. «Он был главой семьи, — вспоминает Сергей Хрущев. — Никто не смел ему возражать — и не потому, что его боялись: просто такое нам и в голову не приходило. Однако реальная власть в семье исходила от мамы. Она вела хозяйство, она проверяла наши уроки, она воспитывала нас в строгости, чтобы мы не воображали, что нам все позволено. Теперь я понимаю, что школьные учителя, будь их воля, ставили бы мне одни пятерки; если этого не происходило, то только потому, что мама ходила в школу и убеждала их быть со мной поостроже. Они просто подчинялись ее желанию»⁶⁵.

В массовом сознании образ Нины Петровны, как и ее мужа, сформирован ее внешностью в последние годы. Небольшого роста, полная, с круглым крестьянским лицом, она напоминала матрешку. В отличие от взрывного по характеру мужа, Нина Петровна в любых обстоятельствах оставалась спокойной и собранной. Однако под этим безмятежным фасадом скрывался суровый и жесткий характер. Юлия описывает свою приемную мать как «железную леди». Если дом Хрущева был полон книг, если семья часто ходи-

ла в театры — это, несомненно, заслуга Нины Петровны. Она же настояла на том, чтобы все дети учили английский и занимались музыкой.

Влечение Хрущева к Нине Кухарчук так же понятно, как и женитьба на Ефросинье Писаревой. Обе они воплощали для него более высокий уровень культуры и более жесткие этические стандарты, к которым он стремился, но достичь их в полной мере так и не мог.

В июле 1925 года Хрущев был назначен партийным руководителем Петрово-Марьинского уезда Сталинской (б. Юзовской) губернии. В этой должности он оставался до конца 1926 года. Уезд включал в себя четыре шахты, имение Марьинку и семь окрестных деревень. Он занимал примерно шестьсот квадратных километров; население его состояло из семнадцати тысяч крестьян и двадцати тысяч шахтеров. Нина Петровна работала там же партийной пропагандисткой и (поскольку агитаторы оплачивались из Москвы, а партийное руководство получало зарплату от местных властей) зарабатывала намного больше мужа⁶⁶.

Жизнь в 1925—1926 годах, по сравнению с предыдущими и последующими периодами, была спокойной. Производство угля было восстановлено, а нэп стабилизировал положение в деревне. Союзник Сталина Николай Бухарин, желая поставить на ноги сельское хозяйство, выдвинул лозунг: «Обогащайтесь!» — несмотря на неприязнь большевиков к кулакам, процветавшим на плодородном украинском черноземе. Кроме того, условия труда на шахтах по-прежнему оставались очень тяжелыми, и, как следствие, продолжались забастовки.

Как главе районной партийной организации, Хрущеву было почти не на кого положиться: когда он приступил к исполнению обязанностей, в уезде было всего 715 членов партии, и девять десятых из них — в Петровке, где располагался уком. К концу 1925 года число партийцев дополнилось до цифры 1 108⁶⁷. К этому времени многие партийные чиновники «обуржуазились» и предали коррупции. В довершение всего обострилась борьба между большевистскими лидерами. Нейтрализовав Троцкого, Сталин в 1925 году перешел к борьбе со своими бывшими союзниками — Зиновьевым и Каменевым, которые в 1926 году присоединились к Троцкому, образовав объединенную оппозицию.

На новом месте работы Хрущев стремился прежде всего обеспечить шахтеров жильем, едой, одеждой, успокоить их

и призвать к порядку. Даже когда они «гневно кричали», вспоминал один из шахтеров сорок лет спустя, «ему быстро удавалось всех развеселить». Однако «временами он бывал суров. Если шахтер не желал работать... такого он увольнял немедленно»⁶⁸. Бывший коллега по партийной работе вспоминает о «скромности Хрущева в быту», выражавшейся, в частности, в том, что он вместе с остальными коммунистами исправно трудился на субботниках и воскресниках⁶⁹.

С кулаками и середняками партия в то время старалась не ссориться. «Мы через кооперацию должны были победить торговцев и торговлю взять в свои, государственные руки, — рассказывал Хрущев, — но не путем административных мер, а путем лучшей кооперативной торговли. Мы стремились дешевле продавать, лучше обслуживать, иметь более качественный товар. Однако нам это не слишком удавалось. Торговцы, работавшие на себя, лучше рекламировали свой товар и уделяли клиентам больше внимания. Домохозяйки, которые предпочитали как следует побродить по лавкам и все осмотреть, прежде чем сделать покупку, предпочитали частные магазины»⁷⁰.

Эти воспоминания открывают для нас еще одну черту Хрущева — способность трезво смотреть на реальность, даже противоречащую его идеологическим убеждениям. Однако работа с крестьянами вытаскила на поверхность и один его серьезный недостаток — раздражительность и нетерпимость при столкновении с людьми и событиями, напоминавшими ему о собственном мужицком прошлом.

«Забудьте о прежнем! — призывал он однажды крестьян, столпившихся вокруг новенького трактора. — Теперь все будет иначе!»

«Мы шли за трактором, — вспоминал один из его тогдашних слушателей, — и изумлялись его мощи, однако от него исходил неприятный запах». Крестьяне качали головами. «Эта машина отравляет землю, — говорили они, — теперь здесь ничего больше не вырастет». Услышав эти слова, Хрущев пришел в ярость. «С такими, как вы, мы никогда не построим новое общество!» — кричал он⁷¹.

Транспортные коммуникации в уезде были очень примитивны: никакой железной дороги, несколько автомобилей на весь уезд. Однако Хрущеву не сиделось на месте. Зимой «я отправлялся по деревням. Садился в сани — да-да, в то время ездили на санях — закутывался в шубу, чтобы мороз не кусал». В теплое время года он разъезжал на лошадях. «Если будешь сидеть у себя в кабинете, — говорил он поз-

же, — никогда не поймешь, что происходит вокруг, и не наберешься опыта»⁷².

Хотя положение уездного партийного руководителя было довольно скромным, именно в эти годы Хрущев начал свое восхождение к вершинам власти. В конце 1925 года он представлял свой уезд на IX съезде компартии Украины. Вскоре после этого был в составе делегации от Сталино послан на XIV съезд партии в Москву. К голосованию он не был допущен, однако сам факт избрания стал для него «большой радостью»⁷³.

В первую свою поездку в Москву Хрущев держался и вел себя как типичный провинциал. Вместе со своими приятелями из Сталино он, раскрыв рот, глазел на чудеса большого города, а после потешался над собственными промахами. Один раз, например, взял извозчика, чтобы ехать в Кремль — а оказался на окраине. Неудача была тем чувствительнее, что Хрущев надеялся обогнать товарищей-делегатов и занять — ни больше ни меньше — центральное место в первом ряду! Надо сказать, этот план не был невыполнимым: украинская делегация занимала центральные места в зале, а делегаты из Сталино сидели в первых рядах в знак признания их пролетарского происхождения и ведущей роли их организации в компартии Украины.

Не доверяя больше извозчикам, Хрущев каждое утро вставал спозаранку, заранее продумывал маршрут («чтобы добраться безошибочно в Кремль») и отправлялся на съезд пешком, причем большую часть пути до Владимирского зала, где проходили заседания, пробегал бегом. «Я увидел руководителей государства и партии. Они были тут же, близко». Особенно сильное впечатление произвел на Хрущева Сталин — не только своими речами, но и инцидентом, свидетелем которого стал молодой коммунист. Делегация из Сталино попросила Сталина с ними сфотографироваться: пришло известие, что великий человек согласен, и в перерыве делегаты собрались в Екатерининском зале.

«Пришел Сталин, — вспоминает Хрущев. — Стали рассаживаться, расселись. Сталин сел, как мы его и просили, посередине. Фотограф... Петров, крупный специалист своего дела, много лет проработал в Кремле. Петров как фотограф начал указывать, как кому нужно голову повернуть, куда кому смотреть. Вдруг — реплика Сталина: “Товарищ Петров командовать любит, а у нас командовать нельзя, нельзя командовать!” Этот инцидент на меня и на моих товарищей произвел (мы потом обменивались мнениями) хорошее впечатление. Нам казалось, что Сталин действительно является демократичным человеком, что его такое замечание бы-

до не случайно и что эта шутка органично присуща натуре Сталина»⁷⁴.

XIV съезд партии стал для Сталина межевой вехой в борьбе с зиновьевско-каменевской оппозицией. На этом съезде царила практика захлопывания и закрикивания оппозиционеров — включая и Надежду Крупскую, вдову Ленина. Украинская делегация в этом превзошла себя: тут в полную силу развернулся главный партийный функционер Сталина Григорий Моисеенко. Едва ли можно поверить, что такой увлекающийся человек, как Хрущев, не присоединился к общему хору; однако он был слишком молод и незначим и никаких официальных свидетельств о его участии в работе съезда не сохранилось.

Другое дело — украинская партийная жизнь. В октябре 1926 года открылась Первая украинская партконференция: в самый день ее открытия шестеро лидеров оппозиции (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Георгий Пятаков и двое других) подали «покаянную» декларацию, надеясь сохранить хотя бы какое-то влияние в партии. Несмотря на это, сторонник оппозиции по фамилии Голубенко продолжал защищать оппозиционеров, критиковать партийного руководителя Украины Лазаря Кагановича и требовать большей демократии в партийных отношениях.

«Сейчас, — отвечал на это Хрущев, — мы заслушали товарища Голубенко. У нас в Сталинском округе мы такой роскоши, к счастью, не имеем». Его речь — «умышленная клевета на нашу партийную организацию». Хрущев продолжал: он не сомневается, что у Голубенко в речи «есть некая неясность, недоговоренность». Декларация лидеров оппозиции — «маневренный ход». Прощение для оппозиции будет возможно, лишь когда она докажет свое раскаяние не только словами, но и делами. Иначе «мы должны будем требовать от наших высших парторганов применения безоговорочно, не считаясь ни с какими заслугами отдельных оппозиционеров, самых репрессивных мер по отношению к неисправимым»⁷⁵.

В этой речи Хрущев, если можно так выразиться, оказался «правовернее» самого Сталина; Сталин из тактических соображений сделал вид, что принял «покаяние» оппозиционеров, Хрущев — нет. Конечно, под «самыми репрессивными мерами» Хрущев имел в виду не то, что вошло в практику десять лет спустя. Однако его выступление — агрессивное, саркастическое, полное ничем не подтвержденных обвинений — было того же сорта, что и бесчисленные кровавые речи 1937 года⁷⁶.

К середине 1920-х годов Лазарь Каганович был одним из вернейших людей Сталина. Родившийся в 1893 году под Киевом, в еврейской семье, в детстве бывший учеником сапожника (на образование для сына у семьи не было денег), в 1911 году он вступил в партию большевиков. Хрущев впервые встретился с ним в 1917-м в Юзовке. «Я не знал, что он Каганович, я его знал как Жировича. Кагановичу я не только доверял и уважал, но, как говорится, горой стоял за него»⁷⁷. «На самом деле, — поправляет себя Хрущев в другом месте своих мемуаров, — когда я с ним познакомился, звали его не Каганович, а Канторович»⁷⁸. В третьем месте Хрущев вспоминает его как Кошеровича⁷⁹. Быть может, для него все еврейские фамилии звучали одинаково. Однако, хотя имена Хрущев и путал, он хорошо понимал, что, с тех пор как в 1925 году Каганович стал руководителем компартии Украины, самый прямой путь наверх — по его следам⁸⁰.

Возможно, именно Кагановичу Хрущев обязан своим продвижением в декабре 1926 года на должность главы орготдела Сталинского обкома. В качестве последнего Хрущев помогал своему начальнику, Григорию Моисеенко, руководить экономикой, преследовал и запугивал местных оппозиционеров, даже выносил смертные приговоры тем, кто в период Гражданской войны сражался против большевиков⁸¹.

А всего девять месяцев спустя Хрущев принял активное участие в снятии Моисеенко с должности. Сперва информировал своих товарищей, что партийное начальство Украины решило освободить Моисеенко от его поста, затем сообщил, что и сам участвовал в обсуждении этого вопроса на заседании Политбюро Украины⁸². Очевидно, здесь ему помогли связи Кагановича или, возможно, дружба со Станиславом Косиором, сменившим Кагановича на посту партийного лидера Украины. Познакомились они, по-видимому, в годы Гражданской войны, когда Косиор возглавлял политотдел Девятой армии. На кадрах кинохроники с XV партсъезда, состоявшегося в Москве в декабре 1927 года, Хрущев сидит рядом с Косиором в центре украинской делегации. В черном костюме и темной рубашке, коротко стриженный, с широкой улыбкой на лице, Хрущев напоминает корабельного юнгу. На тех снимках, где он оборачивается и обращается к невысокому, плотному, лысеющему Косиору, видно, что оба наслаждаются обществом друг друга.

Моисеенко был обвинен в коррупции и моральном разложении, включая «пьянки», в которых принимали участие и высшие партийные лидеры, и городская администрация⁸³.

И сорок лет спустя Хрущев считал себя в этом деле совершенно правым: Моисеенко, по его словам, «отличал сильный мелкобуржуазный налет... Поэтому выставили мы его потом из секретарей. Это скандальное дело дошло до ЦК КП(б) Украины, и к нам приезжала комиссия. Она разбира-ла наши споры, признала наши доводы основательными, и он был освобожден от должности секретаря»⁸⁴.

Однако за этим рассказом кроется нечто большее. По воспоминаниям Кагановича, Моисеенко не мог забыть заигрываний Хрущева с троцкизмом⁸⁵ — возможно, оттого, что в краткий период увлечения идеями Троцкого Хрущев критиковал «нарушения внутрипартийной демократии», допускаемые его начальником⁸⁶. К тому же, возможно, Хрущев надеялся занять место Моисеенко. Если так, то он просчитался. Политбюро Украины назначило на это место В. А. Строганова, о котором (как нетрудно догадаться) Хрущев тоже был не лучшего мнения: Строганов оказался «старой калошей», любителем «выпить, и довольно-таки изрядно».

Впрочем, скоро подчиненные Строганова начали обращаться по важным вопросам не к нему, а к Хрущеву. «Мне, — вспоминал Хрущев позже, — это было понятно, но для него это было тяжело, принижало его роль. Ко мне они шли, потому что я вырос в этом районе... у меня был очень широкий круг друзей... К тому времени я неплохо разбирался в вопросах производства... Тогда это было главным. По тем временам руководитель, который не разбирался в добыче угля или в металлургии, химии и строительстве, считался, грубо говоря, дураком. Как раз в такое положение и попал Строганов, хотя человек он был неглупый. Он тоже позднее погиб, бедняга, и я очень его тогда жалел, да и сейчас жалею: он не заслуживал ни ареста, ни расстрела»⁸⁷.

В смещении Строганова сам Хрущев изображает себя ни в чем не повинным наблюдателем. Он рассказывает даже, что уехал из Сталина, чтобы дать «бедняге» возможность «развернуться»⁸⁸. Однако история отъезда Хрущева в Харьков в марте 1928 года и его последующего быстрого возвышения, с перемещением сперва в Киев, а затем в Москву, заставляет поставить под сомнение мотивы, приводимые им самим.

Если верить Хрущеву, в начале 1928 года Каганович вызвал его в Харьков (в то время украинскую столицу) и предложил сделать его заместителем заведующего орготделом ЦК Украины. «Нам нужно орабочить аппарат», — заявил Каганович; по словам Хрущева.

«Считаю, что это правильно, — ответил Хрущев (опять же — по его собственным словам), — но я хотел бы, чтобы это орабочивание было не за мой счет. Я очень не хотел бы уезжать из Сталина: там я сросся со всей обстановкой, с людьми. Поэтому мне очень трудно будет, я не знаю новой обстановки и не смогу, видимо, ужиться в орготделе Центрального Комитета». Если его переведут в Харьков, продолжал Хрущев, очень вероятно, что новые сотрудники «встретят его плохо», поскольку в этом городе принято завидовать сталинцам: «Мы, дескать, пролетарии, мы шахтеры, металлурги, химики, соль земли, соль партии». Если уж его непременно нужно куда-то перевести — пусть его переведут в Луганск: он в хороших отношениях с секретарем тамошнего парткома и мог бы возглавить там уездную парторганизацию — такой опыт у него уже есть⁸⁹.

Если верить Хрущеву, он долго отнекивался и колебался и согласился лишь на условии, что его «при первой же возможности переведут в другую область. Какую? Все равно, — говорил он Кагановичу, — хотя лучше, конечно, чтобы это был индустриальный район, потому что крестьянское хозяйство я знаю плохо и никогда подолгу не жил в земледельческих районах...»⁹⁰

Никогда не жил в земледельческих районах? А как же первые четырнадцать лет жизни? И разве Луганск — не шаг назад в карьере? Наконец, в самом ли деле Хрущев надеялся переубедить Кагановича? Что перед нами — дымовая завеса, скрывающая амбиции, воспоминания об искренней неуверенности в себе, или то и другое вместе? Сам Каганович рассказывает, что Хрущев осаждал его просьбами о переводе в Харьков (несколько раз он являлся в ЦК без приглашения и, перед тем как зайти к Кагановичу, требовал себе обед в столовой ЦК); однако и он отмечает, что Хрущев и сам не знал, справится ли со своими новыми обязанностями в центральном аппарате⁹¹.

«В Харькове мне не понравилось, — продолжает Хрущев в своих воспоминаниях, — как я и ожидал. Канцелярская работа: через бумаги живого дела не видишь. Это специфическая работа, а я — человек земли, конкретного дела, угля, металла, химии и в какой-то степени сельского хозяйства... У меня сложились хорошие отношения с руководством угольной промышленности... У меня были хорошие отношения с руководителем Югостали... И вдруг у меня это все оборвалось и я стал заниматься бумагами, а это пища не для меня, меня сразу отвернуло от нее»⁹².

Согласно Хрущеву, он скоро начал просить у Каганови-

ча перевода на любое другое место; наконец тот сообщил, что освободилась должность в Киеве, и Хрущев выехал в тот же вечер: «Первый раз в жизни я попал в Киев, в этот большой город. ...Юзовка еще не считалась даже городом. Киев на меня произвел сильное впечатление. Как только я приехал, то с чемоданом в руке пошел прямо на берег Днепра. Меня тянуло взглянуть на Днепр, потому что я много слышал и кое-что читал о нем. Мне хотелось увидеть эту мощную реку»⁹³.

Однако и в Киеве ему было о чем тревожиться. Как и в Харькове, «киевская организация тогда у нас не считалась пролетарской, боевой». С другой стороны, в городе активно действовали как троцкистские элементы, так и националистически настроенная интеллигенция, группировавшаяся вокруг (украинской) Академии наук. Кроме того, как позднее вспоминал Хрущев: «Считалось, что там сложно работать, особенно русским: к ним не особенно хорошее было отношение. Поэтому я полагал, что, так как националисты считали меня безнадежным русаком, мне будет там трудно»⁹⁴.

И здесь скромность Хрущева до некоторой степени искренна. Киев, с его сказочной историей, великолепными церквями, прекрасными зелеными парками на берегах широкого Днепра, всегда воспринимался как символ Украины, что создавало для Сталина и его присных некоторые проблемы. Ранее была объявлена политика «развития национальной культуры», легитимировавшая украинский язык и украинскую культуру. Однако к концу двадцатых годов Сталина начало тревожить распространение украинского национализма, особенно то, что национализм затрагивал и лояльных в остальном коммунистов⁹⁵, а также беспартийных, во всем остальном согласных с советским режимом. В марте 1928 года советская пресса объявила об аресте более пятидесяти донбасских техников и инженеров, обвиненных во «вредительской» деятельности (например, в намеренном затоплении шахт и порче оборудования) и «экономической контрреволюции». В мае — июле в Москве прошел так называемый Шахтинский процесс, после которого по меньшей мере четверо осужденных были казнены⁹⁶.

Эти обстоятельства помогают объяснить беспокойство Хрущева относительно Киева. В рабфактовской анкете, заполненной в 1922 году, он охарактеризовал свое знание Украины как «слабое»⁹⁷. В Сталине, районе, населенном в основном русскими шахтерами, ему не требовалось говорить

по-украински, да и в Киеве он мог объясняться по-русски. Однако незнание украинского языка в сочетании с недостатком образования не могло обеспечить ему симпатий в среде местной интеллигенции.

Однако все обернулось лучше, чем представлялось Хрущеву, отчасти потому, что первый секретарь горкома Николай Демченко взял контакты с интеллигенцией на себя, оставив Хрущеву рабочих и крестьян. И все же Хрущев скучал по Донбассу. Однажды в горком явилась делегация безработных: Хрущев предложил им работу — и они обрадовались, однако настроение их резко изменилось, едва они услышали, что работа — в Донбассе. «И вот целый год ходят они и готовы, видимо, еще год-два ходить. Но в Донбасс ехать не хотят: это провинция. Меня это возмущало, потому что я детство там провел и для меня Донбасс, Юзовка — это родная стихия, я скучал по шахтерам, сжился с ними...»⁹⁸

Конец 1928-го и начало 1929 года Хрущев провел в Киеве, все это время не оставляя попыток перевестись в Москву. «В 1929-м мне уже стукнуло 35 лет, — вспоминал он позже. — Это был последний год, когда я мог еще думать о поступлении в высшее учебное заведение, а я окончил только рабфак, и меня все время тянуло получить высшее образование. Поэтому я стал добиваться посылки меня на учебу»⁹⁹.

Коллеги Хрущева к этой идее отнеслись скептически. Некоторые считали, что он просто хочет оторваться от Косиора и последовать в Москву за Кагановичем. Другие полагали, что ему тяжело работать с Демченко. Хрущев уверял товарищей, что с Демченко у него «наилучшие отношения». Косиору он также объяснял: «Мне уже тридцать пять лет... Поймите меня. Я прошу ЦК КП(б)У понять и поддержать меня и прошу, чтобы ЦК рекомендовал меня в Промышленную академию в Москве. Я хочу быть металлургом». Косиор с пониманием отнесся к моей просьбе и согласился»¹⁰⁰.

Из Сталино — в Харьков, из Харькова — в Киев, из Киева — в Москву; и все это — за полтора года! Однако мотивы и методы Хрущева по-прежнему не вполне ясны. Дыма без огня не бывает — а дыма (увольнение Моисеенко, напряженные отношения со Строгановым, предположение киевских коллег о ссорах с Демченко и Косиором, связь с Кагановичем) в этом периоде его биографии предостаточно. Однако коллеги Хрущева ошибались, если думали, что его желание учиться — лишь прикрытие для карьерных амбиций: к образованию Хрущев стремился искренне на протяжении всей жизни.

Семья Хрущева жила на седьмом этаже «партийного» многоквартирного дома на улице Ольгинской, на полпути от Крещатика к приднепровскому парку. Квартира Хрущевых по меркам того времени была роскошной. В ней было пять комнат, не считая маленькой кухни и ванной. Одна из комнат служила супружеской спальней и кабинетом Хрущева; комнатой, спроектированной как кабинет, он никогда не пользовался. В третьей — спальне для Юли и Лени — семья обедала; хотя еще две комнаты оставались пустыми, Хрущев не задумывался о том, чтобы выделить детям отдельные комнаты (тем более — по комнате для каждого). Вместо этого в оставшихся двух комнатах поселилась подруга Нины Петровны Вера Гостинская со своей пятилетней дочерью¹⁰¹.

Нина Петровна познакомилась с Гостинской в 1926 году, когда обе женщины получали педагогическое образование (Нина Петровна — по специальности «политэкономия», Гостинская — «история») в Педагогическом институте имени Крупской в Москве. Они были землячками и скоро очень сблизились. После выпуска в 1928 году обеих распределили в Киев (Нину Петровну — читать лекции в Киевской партшколе, Гостинскую — готовить учителей для местных польских школ), куда к тому времени уже перебрался Хрущев. (В отсутствие Нины Петровны в 1926—1928 годах Хрущев снова отправил детей в Сталино, к бабушке и бабушке.) Когда Гостинская объявила, что не может жить в крошечной комнатке в общежитии и лучше вернется в Москву, Хрущевы предложили ей «лишние комнаты» у себя в квартире.

К этому времени Юле и Лене было, соответственно, тринадцать и одиннадцать лет. После стольких лет, проведенных в загрязненном донбасском воздухе, они часто болели да и вели себя не слишком хорошо. Леня, вспоминала Гостинская, был «ужасным хулиганом». Однажды он вытащил револьвер, который отец хранил в шкафу, собрал соседских ребятишек и повел их «на завоевание новых земель» — а Нине Петровне пришлось всю ночь успокаивать их перепуганных родителей.

Нина Петровна все больше времени проводила дома, особенно после рождения Рады (4 апреля 1929 года. Первая ее дочь, Надя, родившаяся в 1927-м, умерла трехмесячной¹⁰²). Хрущев редко бывал дома и даже в выходные не отрывался от работы — не считая двух или трех месяцев, когда он заболел, да так серьезно, что пришлось выписывать врача из Германии. («До этого, — вспоминала Гостинская, — он был красивым, но после этого гриппа с осложнениями

очень изменился и подурнел».) После каждого Пленума ЦК Хрущев объезжал множество заводов, фабрик и других предприятий, везде разъясняя и продвигая в массы линию партии. Перед этим он обязательно приглашал Гостинскую, убежденную коммунистку, в пятнадцать лет — в 1920 году — вступившую в компартию Польши, вместе с ним почитать протоколы пленума и подумать, как лучше преподнести его решения рабочим. «Он любил все делать коллективно», — рассказывала она.

Не следует думать, будто Хрущев был неспособен понять и растолковать решения пленума в одиночку. Напротив, хотя марксизм-ленинизм он изучал не по учебникам, Гостинская отзывалась о нем как о не только очень умном («гораздо умнее» своей жены), но и «высококультурном» человеке. Ни она, ни Нина Петровна «никогда не ощущали своего превосходства, хотя у нас и было высшее образование. Может быть, он меньше нашего понимал в научных вопросах — однако в том, что касалось политики, самообразованием достиг больших высот. Он был необыкновенно интересным человеком».

В свободное от работы время Хрущев любил ходить в театр, где сидел в «начальственной» ложе. Нравилось ему и выходить «в свет» вместе с Демченко, его женой (которую Гостинская описывает как очень интеллигентную женщину) и Ионой Якиром, командующим Украинским военным округом. Демченко жили на том же этаже, что и Хрущевы, Якир занимал квартиру в том же доме; оба часто заходили к Хрущеву поболтать или поиграть в шахматы. Должно быть, Хрущев не раз вспоминал эти посиделки менее десяти лет спустя, когда оба, и Демченко, и Якир, были расстреляны как «враги народа».

Вспоминала Гостинская и о том, как Хрущев в первый раз заговорил о переезде в Москву. «Если не уехать, — говорил он, — сделают меня первым секретарем в какой-нибудь Шепетовке, где придется возиться с мужиками. А мне это ни к чему: я ведь в крестьянском хозяйстве ничего не понимаю».

«Он мечтал быть директором завода, — добавляет Гостинская. — И он сказал: “Поеду в Москву, постараюсь поступить в Промакадемию и, если удастся, выбьюсь в директора. Директор из меня выйдет, а вот партсекретарь в деревне — ни за что!”»¹⁰³